

DOI: <http://doi.org/10.17816/0869-2106-2021-27-5-517-526>

Обзорная статья

Негуманная медицина: разработка и использование биологического оружия императорской Японией во время Второй мировой войны

И.В. Дамулин¹, А.А. Струценко²

¹ Московский научно-исследовательский институт психиатрии – филиал Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского, Москва, Российская Федерация;

² Российский университет дружбы народов (РУДН), Москва, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

В настоящее время остро ощущается дефицит информации о деятельности японских врачей во время Второй мировой войны. Являясь страной с ограниченными природными, финансовыми и человеческими ресурсами, императорская Япония в своем устремлении установить господство в Юго-Восточной Азии рассматривала биологическое и химическое оружие как один из наиболее перспективных и эффективных способов ведения войны. В середине 1920-х годов японское руководство одобрило исследования в области биологической и химической войны. Реализация проекта создания биологического оружия, включая испытания на людях, была поручена Shiro Ishii и группе японских ученых под его руководством, военных и гражданских специалистов. В этих исследованиях изучалась эффективность использования возбудителей чумы, газовой гангрены, холеры, сибирской язвы и др. Ход экспериментов, включая детальное описание страданий испытуемых и результаты аутопсии/вживисекции, тщательно документировался. Полевые испытания представляли собой распространение среди китайского населения зараженных продуктов питания и посевного материала, а также заражения источников водоснабжения. Также, в соответствии с интересами военных, на заключенных исследовались эффективность боеприпасов, влияние декомпрессии, гипотермии и электрического тока. После завершения Второй мировой войны и капитуляции императорской Японии были найдены масштабные захоронения жертв экспериментов на территории Китайской Народной Республики, в том числе вблизи от границ СССР. В статье акцентируется внимание на этической составляющей проводимых исследований, основанной на доминирующей в японском обществе точке зрения об оправданности любых действий с целью победы во славу страны и императора и отсутствии каких-либо этических сомнений, основанном на предубеждении японцев против иностранцев вообще и китайцев в частности.

Ключевые слова: военные преступления Японии; биологическое оружие; эксперименты на людях; обзор.

Как цитировать:

Дамулин И.В., Струценко А.А. Негуманная медицина: разработка и использование биологического оружия императорской Японией во время Второй мировой войны // Российский медицинский журнал. 2021. Т. 27, № 5. С. 517–526.

DOI: <http://doi.org/10.17816/0869-2106-2021-27-5-517-526>

DOI: <http://doi.org/10.17816/0869-2106-2021-27-5-517-526>

Review article

Inhumane medicine: imperial japan's development and the use of biological weapons during World War II

Igor V. Damulin¹, Alla A. Strutzenko²

¹ Moscow Research Institute of Psychiatry – a branch of V.P. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Addiction Psychiatry, Moscow, Russia;

² Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia

ABSTRACT

There is currently an acute lack of information on the activities of Japanese doctors during World War II. Being a country with limited natural, financial, and human resources, Imperial Japan considered biological and chemical weapons one of the most promising and effective means of warfare in its quest to dominate Southeast Asia. In the mid 1920s, the Japanese leadership approved biological and chemical warfare research. The implementation of the biological weapons project, including human testing, was entrusted to Shiro Ishii and a group of Japanese scientists under his leadership, as well as to military and civilian experts. These studies examined the effectiveness of plague, gas gangrene, cholera, anthrax, and other pathogens. Experiments, including detailed descriptions of the subjects' suffering and the results of autopsies/vivisections, were carefully documented. Field tests involved the distribution of contaminated food and crops to the Chinese population, as well as the contamination of water supplies. Similarly, in keeping with military interests, the effectiveness of munitions and the effects of decompression, hypothermia, and electric current were investigated on prisoners. After the end of World War II and the surrender of Imperial Japan, large-scale buried victims of experiments were found on the territory of the People's Republic of China, including the borders of the USSR. The paper focuses on the ethical component of the studies conducted, based on the dominant view in the Japanese society that all actions for the glory of the country and the emperor are justified and the absence of any ethical considerations due to the prejudice of the Japanese against foreigners in general and the Chinese in particular.

Keywords: Japanese war crimes; biological weapons; human experiments.

To cite this article:

Damulin IV, Strutzenko AA. Inhumane medicine: Imperial Japan's development and the use of biological weapons during World War II. *Rossiiskii meditsinskii zhurnal (Medical Journal of the Russian Federation, Russian Journal)*. 2021;27(5):517–526.

DOI: <http://doi.org/10.17816/0869-2106-2021-27-5-517-526>

Received: 21.10.2021

Accepted: 02.11.2021

Published: 02.06.2022

ВВЕДЕНИЕ

В течение десятилетий, прошедших после окончания Второй мировой войны, опубликованы сотни художественных и документальных произведений, сняты десятки фильмов, посвященных зверствам нацистских врачей на территории Советского Союза и стран Европы. В то же время все более остро ощущается дефицит информации о деятельности их японских «коллег» в Юго-Восточной Азии. Одна из страниц Второй мировой войны — использование Японией бактериологического оружия против Китая и СССР, что традиционно «забывается» большинством западных исследователей [1]. Как правило, в англоязычной литературе китайские и советские источники во внимание принципиально не принимаются.

Медицинские эксперименты, в основном направленные на разработку биологического оружия и осуществляемые военными японскими медиками, были начаты на территории Японии и оккупированной Манчжурии еще в 1932 году, а с началом Второй мировой войны продолжились на остальных оккупированных территориях вплоть до 1945 года [1–3]. Фактически с первых дней оккупации и до капитуляции императорской Японии в августе 1945 года Манчжурия превратилась в гигантскую лабораторию, «научный рай», в которой японцы в условиях полной вседозволенности проводили на животных и людях исследования, недопустимые к проведению в Японии [4].

По данным китайских исследователей, химическое и биологическое оружие применялось японцами примерно в 2 тыс. случаях, в результате чего с 1937 по 1945 год погибло около 94 тыс. человек [5] (по некоторым данным, от 748 тыс. до 2 млн китайцев [6]). Официальный Токио эти данные ни подтверждает, ни опровергает [5]. Основную часть жертв этих экспериментов составляли китайцы, как военнослужащие, так и гражданское население, а также граждане СССР, корейцы, бирманцы, монголы и европейцы [1, 7]. Эти исследования, возможно, проводились и на американских военнопленных, однако власти США, прикрываясь соображениями национальной безопасности, данный факт всячески умалчивают [1].

В этих исследованиях, помимо изучения действия пестицидов и боевых отравляющих веществ (иприт, цианистые соединения), исследовалась эффективность использования возбудителей чумы, тифа, оспы, желтой лихорадки, туляремии, гепатита, газовой гангрены, столбняка, холеры, дизентерии, сибирской язвы, скарлатины, бруцеллеза, клещевого энцефалита, геморрагической лихорадки и целого ряда других инфекционных агентов [3, 7–9]. Считается, что за 13 лет, в течение которых в Китае и Манчжурии специалисты японской императорской армии проводили разработки биологического оружия, погибло более 10 тыс. человек — как вследствие собственно экспериментов, так и в результате умерщвления «ненужного» или «отработанного человеческого материала» после завершения исследований [8]. Как правило,

испытуемые погибали в течение первых двух недель, в редких случаях до насильственного умерщвления проходило несколько месяцев [8]. Результаты «экспериментов», включая детальное описание страданий испытуемых, динамики их состояния, тщательно фиксировались [8]. Так же детально документировались и результаты посмертных исследований. Например, на основании результатов 30 аутопсий людей, зараженных и умерших от сибирской язвы, был подготовлен патоморфологический отчет, изложенный на 400-х страницах и иллюстрированный прекрасно выполненными рисунками клеток и частей тела, выполненных пастелью (!). Аналогичная художественная техника использовалась в оформлении 800-страничного патоморфологического отчета, основанного на исследовании зараженных и умерших от чумы в двух общинах Манчжурии [8].

РАЗРАБОТКА БИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ В ИМПЕРАТОРСКОЙ ЯПОНИИ: НАЧАЛО

В 1925 году Лига Наций запретила химические и бактериологические методы ведения войны, и 42 страны, включая крупнейшие европейские страны, ратифицировали Женевский протокол [2, 8–11]. Однако ни США, ни Япония официально не согласились с этим протоколом [2]. Будучи достаточно бедной страной, с весьма ограниченными природными ресурсами и гораздо меньшей, по сравнению с Китаем, СССР и США, численностью населения, императорская Япония в своем стремлении установить господство в Юго-Восточной Азии рассматривала биологическое и химическое оружие как наиболее перспективное для достижения этой цели [8]. В середине 1920-х годов главный хирург японской императорской армии Chikahiko Koizumi одобрил и поддержал исследования в области биологической и химической войны, полагая, что результаты этих исследований позволят Японии максимально быстро и с наименьшими затратами достичь своих экспансионистских целей [8]. Однако в дальнейшем, учитывая малую эффективность существовавшего на тот период времени химического оружия, С. Koizumi потерял интерес к его дальнейшей разработке, но обратил внимание на молодого и энергичного военного врача Shiro Ishii, убежденного, что применение биологического оружия способно привести Японию к господству в Азии [8].

Реальное начало японской программы создания биологического оружия связано с именем Shiro Ishii (1892–1959) и возглавляемой им группы ученых [1, 2, 4, 7, 8]. Известность он получил, разработав эффективный фильтр для очистки воды, который был продемонстрирован императору Японии. Однако основные научные интересы S. Ishii в первую очередь были связаны с разработкой биологического оружия. S. Ishii был убежден, что объективные данные об эффективности биологического оружия

могут быть получены только в ходе экспериментов на людях [8].

S. Ishii, выходец из довольно состоятельной семьи, в 1920 году после окончания медицинского факультета Императорского университета в г. Киото поступил на службу в японскую императорскую армию, где весьма успешно специализировался в области бактериологии, иммунологии и профилактической медицины [2, 4, 7, 8]. Дальнейшей карьере S. Ishii немало поспособствовала его женитьба на дочери президента этого университета Araki Tōgasaburo [4]. Надо сказать, что среди коллег S. Ishii слыл блестящим профессионалом, но грубым и заносчивым человеком. Ходили слухи, вероятно небеспочвенные, о его причастности к казнокрадству [4, 8]. Интересный факт: в 1928 году S. Ishii оказался в Западной Европе, где в течение 2 лет служил военным атташе при консульстве Японии в ряде стран [7]. Во время дипломатической службы его особенно интересовали результаты применения оружия массового поражения во время Первой мировой войны. Эта миссия была признана успешной, что позволило S. Ishii, при поддержке военного министра Sadao Araki и советника императора генерала Tetsuzan Nagata, в 1930 году, уже в звании майора, стать профессором иммунологии в Тоийской военно-медицинской школе (Токуо Army Medical School) [7, 8]. Японское военное командование поручило ему руководство тремя биологическими исследовательскими центрами, включая центр в г. Шанхай [7], и в конце августа 1932 года S. Ishii был направлен во главе группы из 10 военных медиков в оккупированную Японией Маньчжурию [2, 7, 8].

РАБОТА В КОМПЛЕКСЕ PING FAN

Вначале эксперименты по разработке биологического оружия проводили сотрудники Военной противоземлемической исследовательской лабораторией, находившейся в лагере для военнопленных Zhong Ma, в деревне в 100 км к югу от г. Харбина, откуда предварительно были выселены все жители [7, 8]. Через три года, в целях усиления секретности, S. Ishii перевел лабораторию в поселок Ping Fan (вначале под названием «Отряд Като» или «Отряд Того», затем — «Отряд 731» [6]), располагавшийся в 24 км к югу от г. Харбина. Там годом позднее был сооружен огромный комплекс, занимавший площадь 6 км² и состоявший из 150 зданий, в том числе здания тюрьмы, рассчитанной на 400 заключенных, — базовый центр для «Отряда 731» [1, 7, 8, 10, 12]. При строительстве комплекса использовался труд около 15 тыс. китайских рабочих, из которых более трети погибли вследствие тяжелых условий труда и отсутствия медицинской помощи [8].

Возросла и активность центра в Ping Fan: если в начале деятельности, в 1936 году, в этом комплексе работало около 300 сотрудников, то к 1939 году их число возросло до 3 тыс. Были организованы еще шесть, не столь крупных центров, где под неусыпным контролем S. Ishii

трудилось еще около 2 тыс. человек, включая врачей, технических специалистов, военных, как японцев, так и корейских коллаборационистов [1, 8, 12]. Ядро «Отряда 731» составляли военные, однако значительное число научных и технических специалистов были гражданскими лицами, и к работе над биологическим оружием они присоединились добровольно [8]. При этом на базе «Отряда 731» проводилось обучение японских студентов-медиков [8, 12].

Формально на базе комплекса в Ping Fan проводились исследования в области очищения воды, однако основной задачей «Отряда 731» была разработка химического и биологического оружия [1, 7]. Проекту дали кодовое название «Maruta». Слово maruta, в переводе с японского — «бревна», использовал персонал по отношению к жертвам экспериментов, поскольку официально центр, в целях соблюдения секретности, был представлен местным властям как... лесопилка [7, 8]. «Человеческий материал» для экспериментов в основном поставляли японская военная секретная полиция Кэмпэйти и городская тюрьма в г. Харбине [12]. Большинство жертв были китайскими участниками сопротивления, остальные — бездомными, наркоманами, умственно отсталыми; зачастую случайных людей хватали прямо на улицах [12]. Также по приказу командующего Квантунской армии в Маньчжурии генерал-майора Hideki Tojo (позднее — премьер-министр императорской Японии, целиком поддерживающий идеи S. Ishii) «Отряд 731» постоянно обеспечивали «экспериментальным материалом» из числа военнопленных [1].

Будущих жертв экспериментов доставляли по железной дороге, ночью, в товарных вагонах, предназначенных для перевозки леса, и на специальном автотранспорте в тюках, завернутых в солому [1, 8, 12]. Основные исследования на взрослых, младенцах, детях, стариках и беременных женщинах проводили в подземных помещениях под огромным изолированным зданием [7]. Останки жертв сжигали в специально оборудованном крематории [1, 8]. В начале работы специалисты «Отряда 731» изучали в качестве биологического оружия туберкулез, столбняк, газовую гангрену и ряд других инфекций, однако в дальнейшем в качестве наиболее перспективных рассматривали только сибирскую язву и чуму [1].

Методы заражения были максимально просты. Одних жертв фиксировали, чтобы их легче было кусать зараженным чумой блохам, других заключенных заставляли принимать пищу, зараженную вирулентными микроорганизмами [8, 12]. После чего в разные сроки от момента заражения жертв умерщвляли. Вивисекция проводилась без использования анестетиков, поскольку считалось, что применение обезболивающих препаратов может исказить результаты экспериментов [7]. Например, после заражения чумной палочкой без какой-либо анестезии вскрывали сонную артерию жертвы и сливали кровь в специальный контейнер, при этом в случае замедления

кровотока проводили серию внутрисердечных инъекций для максимальной стимуляции сердечной деятельности. Вскрытие начиналось сразу после смерти жертвы [12].

ПОЛЕВЫЕ ИСПЫТАНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ

Исследования проводились и в полевых условиях. Для этого в местечко Anda в 146 км к северу от г. Харбина и менее чем в двух часах лета от Ping Fan из «Отрядов» 731, 100, Ei-1644 (и, возможно, других) самолетами доставляли группы из 10–15 заключенных [4, 8]. Затем в нескольких сотнях метров от прикованных к земле испытуемых сбрасывали бомбы, содержащие возбудители чумы, сибирской язвы и других инфекционных агентов. Спустя необходимое для инфицирования время заключенных возвращали в Ping Fan и другие лаборатории для дальнейших исследований динамики инфекционных поражений [8]. В результате была продемонстрирована высокая эффективность использованных инфицированных боеприпасов: как было отражено в итоговом отчете, «...все испытуемые скончались в течение 7 дней после заражения в тяжелых мучениях» [8]. Комплекс в Anda был полностью разрушен японцами при отступлении перед советскими войсками [4].

Вот еще несколько примеров «полевых испытаний». В районе г. Харбина более 1 тыс. колодцев были заражены бациллами брюшного тифа, вспышка этого заболевания опустошила несколько деревень [8]. В 1940 году S. Ishii распорядился, чтобы все население г. Чанчуня было привито «вакциной против холеры», которая на самом деле содержала живой холерный вибрион. Вскоре после этого произошла вспышка холеры, г. Чанчунь был опустошен; точное число погибших неизвестно [12]. Однако широкое использование биологического оружия, включавшего в том числе возбудителей бубонной чумы, холеры и сибирской язвы, в полевых условиях было начато только в 1942 году, сначала на китайских военнопленных, затем в боевых условиях, и, наконец, против гражданского китайского населения [7].

Японцы использовали различные способы распространения патогенных агентов, начиная от раздачи зараженных патогенами шоколадок детям до таких масштабных методов, как загрязнение источников водоснабжения (колодцев, прудов), распыления с воздуха зараженных зерен пшеницы и проса, сбрасывания небольших бомб, содержащих зараженных чумными бациллами блох [6, 8, 9]. Например, в 1942 году по приказу S. Ishii было организовано изготовление зараженных микробами конфет и пельменей, после чего около 3 тыс. китайских военнопленных были накормлены этими продуктами и отпущены по домам с целью распространения инфекционных заболеваний [12].

В 1942 году в Манчжурии специалисты «Отряда 731» изучали эффективность применения зараженных

бациллами чумы блох, при этом особое внимание уделялось оценке скорости распространения чумы. В результате этого эксперимента вскоре погибло не менее 300 китайских крестьян, однако точное число заразившихся и умерших остается неизвестным. Позднее, зимой 1942 года, пытаясь локализовать вызванную ими же эпидемию, японские военные вместе с китайскими коллаборационистами насильственно переселили около 5 тыс. семей китайских крестьян, а их деревни сожгли [8].

Сообщения об использовании японцами биологического оружия появились еще в 1937 году, однако международная общественность отвергала их как пропагандистские, связанные с оправданием отступления китайской армии [6]. Уже в послевоенное время появились свидетельства выживших участников так называемых отрядов смертников, которые проникали на советскую территорию и сбрасывали химические и бактериологические агенты в реки и ручьи [4, 6]. Эффективность этой операции оценить сложно, однако S. Ishii и его сотрудники получили важный опыт по использованию биологического оружия в реальных условиях [4]. Еще в 1942 году Федеральное бюро расследований (США) получило данные о готовящейся Японией попытке распространения возбудителей тифа и бубонной чумы в г. Лос-Анжелесе [13].

Точное число случаев использования японцами биологического оружия остается неизвестным, однако оно применялось по меньшей мере в 12 китайских городах [1, 10]. Жертвами его применения, по оценкам историков, стали десятки тысяч людей [7]. Только около г. Гуанджоу, в котором располагались несколько лабораторий по разработке биологического оружия, по данным китайских исследователей, от смертельных заболеваний погибло 20 тыс. сельских жителей [5]. Японские военные сняли документальный фильм о результатах исследования чумы, унесшего несколько тысяч жизней в г. Нинбо, он был показан японским ученым и офицерам. Сообщалось, что зрители встретили этот фильм с большим энтузиазмом [8].

После 1942 года масштабных полевых испытаний биологического оружия японцы не осуществляли, хотя небольшие «эксперименты» проводили вплоть до окончания войны [8]. Связано это было в первую очередь с несовершенством разработанных к тому времени средств доставки патогенных агентов. При использовании в качестве начинки для артиллерийских снарядов значительная часть инфекционных агентов разрушается при выстреле, выброс с самолетов специальных бомб не всегда сопровождался их подрывом, а производство других, более надежных, вариантов бомб была сочтена слишком затратной [8]. В результате последовали организационные выводы: S. Ishii в середине 1942 г. был освобожден от руководства лабораторией в Ping Fan, а его преемник, Masaji Kitano, был сторонником не полевых, а лабораторных исследований [8, 10].

ДРУГИЕ БЕСЧЕЛОВЕЧНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ ЯПОНСКИХ МЕДИКОВ

Как и их нацистские коллеги, японские военные медики проводили эксперименты по оценке влияния декомпрессии на состояние человека, изучая эффект воздушной эмболии при введении воздуха в системный кровоток. Ряд исследований на китайцах и советских гражданах был посвящен изучению влияния низких температур на организм человека, включая искусственно спровоцированные тяжелые обморожения конечностей [7, 8]. Ряд экспериментов сотрудников «Отряда 731», скорее, был обусловлен удовлетворением садистского любопытства, чем какими-либо научными интересами. Так, людей подвешивали вверх ногами, лишали пищи и воды, подвергали воздействию электрического тока для определения порога, при котором сохраняется способность к стоянию, совершали кровопускание и раскручивали в центрифуге — до определения порога, при достижении которого наступает смерть, внутривенно вводили морскую воду и т. д. И если испытания на заключенных недостаточно разработанных вакцин еще может иметь какое-то, хоть этически извращенное, но практическое обоснование, то, например, изучение результатов переливания конской крови людям, иммунная реакция на которую, как известно, приводит к быстрой и мучительной смерти, представляется совершенно бессмысленной [7].

В соответствии с интересами японских военных проводились исследования эффективности дальности действия и разрушительной силы гранат, расположенных на различных расстояниях от заключенных, удерживаемых на привязи. На живых людях изучался повреждающий эффект огнеметов и время выживания при ожогах различной степени тяжести. В рамках обучения военных хирургов на «пациентах», находящихся в сознании, в отсутствие анестезии проводились операции на внутренних органах, ампутации здоровых рук и ног, повторное прикрепление ампутированных конечностей к противоположным сторонам тела, лечение умышленно нанесенных огнестрельных ранений. Специфика таких «методик» обосновывалась необходимостью максимально воспроизвести боевые условия, в которых обезболивание пациентов перед экстренной операцией может быть недоступным [7]. По завершении этих хирургических манипуляций все выживших подопытных умерщвляли.

Также сотрудниками «Отряда 731» под руководством S. Ishii (с 1945 года уже генерал-лейтенанта императорской армии) проводились, причем с исключительным энтузиазмом, эксперименты в виде искусственного вызывания инсульта и инфаркта миокарда [7], а для изучения результата эксперимента традиционно применялась вивисекция [1]. Только в главном центре «Отряда 731» с 1941 по 1945 год было умерщвлено не менее 3 тыс.

человек [7, 12]. Аналогичные эксперименты проводились также в четырех региональных отделениях «Отряда 731», в Маньчжурской медицинской школе и японских военных госпиталях. Результаты довольно широко публиковались в японских журналах, без указания, что данные были получены в экспериментах на людях [7].

«Отряд 731» был не единственным японским исследовательским центром. Значительно меньше известно об «Отряде 100» (или «Отряде Wakamatsu»), который располагался в г. Чанчунь [8]. Созданный в 1936 году по указу императора Хирохито, этот отряд под руководством военного ветеринара майора Yujiro Wakamatsu официально занимался лечением эпизоотий у лошадей и других домашних животных, а на самом деле проводил секретные исследования в области биологического оружия. В тюремном здании на территории комплекса, где располагался «Отряд 100», одновременно могли находиться 30–40 заключенных. В основном это были преступники, приговоренные к смертной казни, а также политические заключенные и китайские партизаны. Свидетельством проводимых в комплексе в г. Чаньчуне экспериментов на людях являются обширные захоронения на территории этого объекта, найденные после окончания войны и капитуляции Японии [8].

К сожалению, сейчас практически ничего не известно о деятельности аналогичных центров в г. Нанкине, Шанхае, Пекине, Сингапуре, Рангуне, Бангкоке и других городах Юго-Восточной Азии и Внутренней Монголии [8].

Как отмечалось выше, в 1942 году на посту руководителя центра в Ping Fan S. Ishii сменил генерал-лейтенант и одновременно профессор Маньчжурского военного медицинского колледжа в г. Шэньяне (Мукдене) Masaji Kitano. M. Kitano был, по мнению его коллег, блестящим ученым и как исследователь значительно превосходил S. Ishii. M. Kitano опубликовал более 20 статей, как во время Второй мировой войны, так и после ее окончания, причем большинство его публикаций были основаны на результатах экспериментов на заключенных, проведенных в г. Шэньяне (Мукдене). В своих работах M. Kitano указывал, что приводимые данные были получены на «обезьянах». Читатели подобных «опусов» прекрасно понимали, о каких «обезьянах» идет речь. Останки жертв исследований M. Kitano, найденные после войны в контейнерах, находятся в мемориале жертв японских исследований в области биологической войны Медицинского колледжа в г. Шэньяне (Мукдене) [8].

В августе 1945 года, после вступления СССР в войну против императорской Японии, по приказу S. Ishii главный комплекс «Отряда 731» в Ping Fan был взорван с целью уничтожения доказательств проводимых исследований. При этом погибли все находившиеся там заключенные [7]. Во время отступления по приказу S. Ishii японские солдаты должны были оставлять зараженную пищу для местного населения, в результате чего вскоре произошла вспышка паратифа [12]. Непосредственно перед капитуляцией

императорской Японии сотрудники «Отряда 731» в районе г. Харбина выпустили на свободу тысячи зараженных бактериями чумы крыс [7]. В результате в г. Харбине, регионе, где это заболевание ранее не встречалось, в первые послевоенные годы эпидемии чумы повторялись каждую осень (унеся жизни более 30 тыс. человек в 1947 году и 6 тыс. в 1948 году) [12]. Также японцами были избирательно уничтожены секретные объекты в целом ряде городов Китая – в г. Чаньчуне, Шэньяне (Мукдене), Дайрене и др. [4]. Масштабные захоронения жертв японских «исследований» были также найдены в непосредственной близости от границ СССР. На окраине г. Хайлара во Внутренней Монголии было обнаружено захоронение, в котором находились тела по меньшей мере 10 тыс. человек — китайских и монгольских мужчин, женщин и детей, причем некоторые из них были убиты совсем недавно. Территория вокруг разрушенных японцами сооружений представлялась настоящим Ноевым ковчегом: около секретных баз были обнаружены огромные стаи грызунов, стада большого крупного рогатого скота, овец, коз, мулов, ослов, мелких грызунов (кроликов и морских свинок). Даже одичавшие обезьяны исчислялись сотнями [4]. Самые шокирующие находки были обнаружены при исследовании руин строений. Под ними были погребены тысячи костей животных и людей [4].

ПОСЛЕВОЕННАЯ СУДЬБА ЯПОНСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ: ПОМОЩЬ ИХ АМЕРИКАНСКИХ «КОЛЛЕГ»

В августе 1945 г. S. Ishii имитировал свою смерть и скрылся, однако по распоряжению оккупационного командования он был задержан и выдан американцам. Дальнейшая его судьба связана с Центром по изучению биологического оружия в США, располагавшимся в Fort Detrick [1, 7].

Американские военные, получив информацию о разработке биологического оружия Японией, с начала 1944 года предпринимали попытки получить информацию о результатах этих исследований [1]. Практически сразу после капитуляции Японии в Токио были направлены подполковник Murray Sanders, руководитель отдела биологического оружия в Fort Detrick в США, и военный ветеринар подполковник Arvo Thompson — с целью не только получить информацию о деталях создания биологического оружия, но и привлечь японских специалистов к созданию этого оружия в США. При этом M. Sanders, и A. Thompson неоднократно подчеркивали, что их миссия заключается исключительно в сборе данных и что любая информация, раскрытая японцами, не будет использоваться в качестве доказательства в судебных процессах по военным преступлениям [8]. Все это позволило S. Ishii, вначале отрицавшему свое участие в каких-либо испытаниях на людях, в дальнейшем раскрыть детали своей программы в обмен

на защиту от судебного преследования [7, 8, 12]. В итоге S. Ishii и его сотрудникам был предоставлен иммунитет от судебного преследования. В ответ японцы составили 600-страничное руководство, охватывающее всю область изучения естественного и искусственного течения чумы [12] и 8 тыс. (!) срезов тканей человека и животных, основанных на результатах вивисекций и аутопсий [1, 8, 12]. Изучив представленные материалы, американские специалисты сделали вывод о большей научной ценности результатов, полученных на людях, по сравнению с полученными на животных [1].

S. Ishii, сотрудничая с американскими военными, не только избежал судебного преследования, но и, получая весьма солидную генеральскую пенсию, прожил в Токио до 1959 года, где и умер от рака горла в возрасте 67 лет. Другие сотрудники «Отряда 731» также не подвергались судебному преследованию: военные вышли в отставку и получали неплохое денежное содержание как военные пенсионеры, а гражданские лица продолжали работать с крупными химическими и фармацевтическими компаниями Японии, некоторые из них стали президентами и профессорами ведущих японских университетов [7]. Например, соратник S. Ishii, работавший с ним с начала программы разработки биологического оружия, Naito Ryiochi, основал фармацевтическую компанию Green Cross, в которой потом трудились многие бывшие сотрудники «Отряда 731» и «Отряда 100». С 2001 года эта компания входит в состав Mitsubishi Pharma Corporation [8].

Несмотря на то, что более 5 тыс. японцев предстали перед судом как военные преступники, среди них не оказалось ни одного высокопоставленного японского эксперта по биологической войне. Лишь в СССР, в г. Хабаровске, был проведен единственный судебный процесс, на котором 12 высокопоставленных чиновников, участвовавших в программе разработки биологического оружия, и ряд офицеров Квантунской армии, сознались в военных преступлениях, включая убийства советских мужчин, женщин и детей. Все они были осуждены на различные сроки заключения — от 2 лет до 25 лет лишения свободы [8].

Попытки японских официальных структур скрыть деятельность лабораторий, разрабатывавших биологическое оружие, продолжаются. Например, несмотря на имеющиеся исторические свидетельства, отрицается деятельность во время Второй мировой войны в г. Сингапуре биологической лаборатории под руководством Naito Ryiochi, одного из последователей S. Ishii. Сходную позицию в отношении других фактов японских преступлений занимают многие японские историки [8]. При этом официальные власти Японии отказываются подтвердить или опровергнуть тот факт, что императорская Япония вела биологическую войну [5]. К сожалению, в японском обществе даже сегодня судебные процессы, на которых были юридически подтверждены факты военных преступлений, расцениваются как «приговор победителей», а вынесенные судебные решения считаются предвзятыми [3].

Причина, по которой современная Япония хочет скрыть свое участие в абсолютно бесчеловечных экспериментах, понятна, а вот США были мотивированы совершенно иными соображениями — получением «чрезвычайно ценной» информации в военной области, значимость которой перевешивала необходимость судебного преследования японских военных преступников [1, 6].

Политика двойных стандартов правительства США в вопросе производства и использования биологического оружия проявляется в этом вопросе крайне ярко. «Коварное оружие» в руках врага было мгновенно преобразовано в приемлемый и важный военный инструмент — после добавления биологического оружия в военный арсенал США. При этом акцентировалось внимание на «гуманности» его использования, поскольку, достигая победы кратчайшим путем, оно «спасает жизни», особенно жизни американцев. Немаловажной, с точки зрения американских «стратегов», по сравнению с обычным оружием, была экономия средств, поскольку при этом не уничтожалась инфраструктура/собственность [1].

ПРИЧИНЫ ДЕГУМАНИЗАЦИИ МЕДИЦИНЫ В ИМПЕРАТОРСКОЙ ЯПОНИИ

Рассматривая этические аспекты проводимых исследований, следует иметь в виду, что во время Второй Мировой войны в японском обществе доминировало мнение об оправданности любых действий с целью победы во славу страны и императора [7, 8]. Действия императорской Японии рассматривались как находящийся под божественным вдохновением путь избранной нации, который должен привести к новой эпохе процветания Восточной Азии — включая материковый Китай и восточную часть СССР [8]. При этом традиционно существовавшая в японском обществе доминанта, основанная на синтоизме и включающая уважение к власти, подразумевала обязательное подчинение императору, а честь служения императору рассматривалась гораздо важнее жизни человека и его личной морали [6, 7].

Все, что могло послужить для обретения Японией «достойного места в мире», находилось в приоритете [8]. Было бы неверно рассматривать совершенные японскими военными преступления как преступления отдельных солдат отдельной армии — это было следствием государственной политики Японии [3]. Японский государственный и военный истеблишмент, а также научное сообщество были осведомлены о масштабах национальной программы разработки биологического оружия, включая испытания на людях, еще до начала Второй мировой войны, кроме того, эта программа имела поддержку со стороны императорской семьи [8]. Также нельзя не учитывать и веками укоренившееся предубеждение японцев против иностранцев вообще и китайцев в частности,

а также чувство лидерства своей нации, что, в конечном итоге, привело к коллективной потере сострадания и человечности по отношению к жертвам [7, 8]. Многовековое культивирование ксенофобии, пронизавшей все японское общество, и политическая система, основанная на вере в божественность императора, — все это лежало в основе того, что подавляющее число японцев считало себя расово превосходящими других азиатов, а также людей смешанного происхождения. В результате Япония, развивая идею уникальности «японской расы», превратилась в ксенофобское и этноцентричное общество [8], которым и остается до настоящего времени. Соответственно, какой-либо обеспокоенности в отношении этической составляющей экспериментов на людях, не принадлежащих к японской нации, в японском обществе априори не подразумевалось [8]. Имел значение и сугубо утилитарный подход к захваченным «врагам государства», ибо считалось, что шпионов все равно казнят, так почему бы им не послужить материалом для экспериментов?

Отсутствие моральных ограничений привело к совершенно бесчеловечному выводу о том, что исследования на людях позволяют быстрее получить важные данные и способствуют развитию научной мысли, что могло бы помочь и более быстрому продвижению активного и творчески мыслящего исследователя по академической лестнице [7]. Используя эвфемизмы, чтобы скрыть суть проводимых исследований, Shiro Ishii, Masaji Kitano, Yūjiro Wakamatsu и другие подобные им «исследователи» воспользовались возможностью официально публиковать результаты своих абсолютно бесчеловечных «исследований», получая научное признание и материальные блага [8].

Необходимость сотрудничества с военными во время Второй мировой войны в Японии не подвергалась сомнению; практически все врачи, даже если они знали о варварских методах предстоящей работы, не выказывали каких-либо сомнений в их целесообразности. Мало того, существовавшая жесткая иерархическая система японских медицинских школ, опиравшаяся на кодекс бусидо, делала отказ от предложения руководителя направиться на работу в военное медицинское учреждение практически невозможным. Отказавшемуся грозили не только крах дальнейшей академической карьеры и клеймо предателя (*яп. hikokumin*), но и опасность подвергнуться остракизму в обществе. Также имел значение и высокий уровень материального поощрения. Половина бюджета «Отряда 731» уходила на оплату труда примерно 3 тыс. сотрудников, что позволило создать для них значительно более комфортные условия по сравнению с сотрудниками гражданских академических институтов в раздираемой войной стране [7].

При этом научное сообщество императорской Японии не только морально поддерживало программу разработки биологического оружия, но и активно участвовало в ней. В частности, экспериментальные исследования в этом направлении проводились в крупнейших японских

университетах. В 1934 году в статье, опубликованной в *The New Japan Medicine Report*, утверждалось, что «...японская медицина теперь является независимой от международного медицинского сообщества» [8]. Таким образом, еще до начала Второй мировой войны, так же как в нацистской Германии, медицинское сообщество подвергалось идеологической обработке, в которой гуманистические аспекты медицины не принимались во внимание. Тем немногим японским специалистам, кто выражал сомнения в этичности разработки биологического оружия, угрожали репрессиями. Часть японских ученых, участвовавших в разработке биологического оружия, считали себя истинными гуманитариями, а свои эксперименты на людях рассматривали как естественный процесс развития науки. К слову, именно эти «научные специалисты» крайне редко выражали раскаяние или признавали свою вину после окончания войны [8].

В определенной мере имело значение и получение в военное время, когда финансирование гражданских институтов было урезано, дополнительных возможностей для научной работы, огромного потока экспериментальных данных, полученных в «фабриках смерти», которыми руководили Shiro Ishii и подобные ему военные «исследователи» [7, 8]. В обмен на помощь со стороны военного командования из медицинских университетов Японии для работы в «Отряде 731» и аналогичных ему учреждениях направлялись самые перспективные научные сотрудники. В это время работу в Манчжурии молодые японские специалисты рассматривали как редкую возможность обеспечить себе стремительный карьерный рост [8].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Powell J.W. Japan's germ warfare: The U.S. cover-up of a war crime // *Bulletin of Concerned Asian Scholars*. 2019. Vol. 12, N 4. P. 2–17. doi: 10.1080/14672715.1980.10405225
2. Harris S. Japanese biological warfare experiments and other atrocities in Manchuria, 1932–1945, and the subsequent United States cover up: a preliminary assessment // *Crime, Law and Social Change*. 1991. Vol. 15, N 3. P. 171–199. doi: 10.1007/bf00196721
3. Toshiya I. Japanese War Crimes and War Crimes Trials in China. In: *Genocide and Mass Violence in Asia*. Ch.8. GmbH: De Gruyter Oldenbourg, 2019. P. 141–159. doi: 10.1515/9783110659054-008
4. Harris S.H. *Factories of Death. Japanese biological warfare 1932–45 and the American cover-up*. London, New York: Routledge-Taylor & Francis Group, 1995. doi: 10.4324/noc0415132060
5. Watts J. Japan taken to court over germ-warfare allegations // *Lancet*. 1998. Vol. 351, N 9103. P. 657. doi: 10.1016/S0140-6736(05)78451-8
6. Crowe D.M. *War Crimes, Genocide, and Justice. A Global History*. New York: Palgrave Macmillan, 2014, 501 p. doi: 10.1057/9781137037015
7. Perper J.A., Cina S.J. *When Doctors Kill. Who, Why, and How*. New York: Springer Science+Business Media, 2010. 253 p. doi: 10.1007/978-1-4419-1369-2
8. Harris S. Japanese biological warfare research on humans: a case study of microbiology and ethics // *Ann N Y Acad Sci*. 1992. Vol. 666, N. P. 21–52. doi: 10.1111/j.1749-6632.1992.tb38021.x
9. Ruoff K.L. Biological warfare. *Clinical Microbiology Newsletter*. 1998. Vol. 20, N 21. P. 173–176. doi: 10.1016/s0196-4399(00)88655-9
10. Christopher G.W. Biological warfare. A historical perspective // *JAMA: The Journal of the American Medical Association*. 1997. Vol. 278, N 5. P. 412–417. doi: 10.1001/jama.278.5.412
11. Poupard J.A., Miller L.A. History of biological warfare: catapults to capsomeres // *Ann N Y Acad Sci*. 1992. Vol. 666, N. P. 9–20. doi: 10.1111/j.1749-6632.1992.tb38020.x
12. Chen Y.F. Japanese death factories and the American cover-up // *Camb Q Healthc Ethics*. 1997. Vol. 6, N 2. P. 240–242. doi: 10.1017/s0963180100007866
13. McFarland S.L. Preparing for what never came: Chemical and biological warfare in World War II // *Defense Analysis*. 1986. Vol. 2, N 2. P. 107–121. doi: 10.1080/07430178608405241

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, существующая в настоящее время в западных странах и Японии тенденция к забвению страшных событий столь недавнего прошлого, должна быть остановлена. Память о тысячах жертв этих бесчеловечных «экспериментов» должна быть сохранена. И никакие соображения о «научной целесообразности» не должны приниматься во внимание.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИЯ / ADDITIONAL INFO

Источник финансирования. Авторы заявляют об отсутствии внешнего финансирования при проведении исследования.

Funding source. This study was not supported by any external sources of funding.

Конфликт интересов. Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Competing interests. The authors declare that they have no competing interests.

Вклад авторов. Все авторы внесли существенный вклад в разработку концепции, проведение исследования и подготовку статьи, прочли и одобрили финальную версию перед публикацией.

Author's contribution. All authors made a substantial contribution to the conception of the work, acquisition, analysis, interpretation of data for the work, drafting and revising the work, final approval of the version to be published and agree to be accountable for all aspects of the work.

REFERENCES

1. Powell JW. Japan's germ warfare: The U.S. cover-up of a war crime. *Bulletin of Concerned Asian Scholars*. 2019;12(4):2–17. doi: 10.1080/14672715.1980.10405225
2. Harris S. Japanese biological warfare experiments and other atrocities in Manchuria, 1932–1945, and the subsequent United States cover up: a preliminary assessment. *Crime, Law and Social Change*. 1991;15(3): 171–199. doi: 10.1007/bf00196721
3. Toshiya I. Japanese War Crimes and War Crimes Trials in China. In: *Genocide and Mass Violence in Asia. Ch.8*. GmbH: De Gruyter Oldenbourg; 2019. P:141–159. doi: 10.1515/9783110659054-008
4. Harris SH. *Factories of Death. Japanese biological warfare 1932–45 and the American cover-up*. London, New York: Routledge-Taylor & Francis Group; 1995. doi: 10.4324/nor0415132060
5. Watts J. Japan taken to court over germ-warfare allegations. *Lancet*. 1998;351(9103):657. doi: 10.1016/S0140-6736(05)78451-8
6. Crowe DM. *War Crimes, Genocide, and Justice. A Global History*. New York: Palgrave Macmillan; 2014. doi: 10.1057/9781137037015
7. Perper JA, Cina SJ. *When Doctors Kill. Who, Why, and How*. New York: Springer Science+Business Media; 2010. doi: 10.1007/978-1-4419-1369-2
8. Harris S. Japanese biological warfare research on humans: a case study of microbiology and ethics. *Ann N Y Acad Sci*. 1992;666:21–52. doi: 10.1111/j.1749-6632.1992.tb38021.x
9. Ruoff KL. Biological warfare. *Clinical Microbiology Newsletter*. 1998;20(21):173–176. doi: 10.1016/s0196-4399(00)88655-9
10. Christopher GW. Biological warfare. A historical perspective. *JAMA: The Journal of the American Medical Association*. 1997;278(5):412–417. doi: 10.1001/jama.278.5.412
11. Poupard JA, Miller LA. History of biological warfare: catapults to capsomeres. *Ann N Y Acad Sci*. 1992;666:9–20. doi: 10.1111/j.1749-6632.1992.tb38020.x
12. Chen YF. Japanese death factories and the American cover-up. *Camb Q Healthc Ethics*. 1997;6(2):240–242. doi: 10.1017/s0963180100007866
13. McFarland SL. Preparing for what never came: Chemical and biological warfare in World War II. *Defense Analysis*. 1986;2(2):107–121. doi: 10.1080/07430178608405241

ОБ АВТОРАХ

***Дамулин Игорь Владимирович**, д.м.н., профессор;
адрес: Россия, 107076, Москва, улица Потешная, д. 3, корп. 10;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4826-5537>,
e-mail: damulin_igor@mail.ru

Струценко Алла Анатольевна, к.м.н., доцент;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9758-8087>,
e-mail: mapachemedico@gmail.com

AUTHORS INFO

***Igor' V. Damulin**, MD, Dr. Sci. (Med.), Professor;
address: 3 b.10 Poteshnaya str., 107076, Moscow, Russia;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4826-5537>,
e-mail: damulin_igor@mail.ru

Alla A. Strutzenko, MD, Cand. Sci. (Med.), assistant professor;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9758-8087>,
e-mail: mapachemedico@gmail.com

* Автор, ответственный за переписку / Corresponding author

Сдано в набор 16.05.2022. Подписано в печать 02.06.2022. Формат 60 × 88%. Печать офсетная. Заказ 2-3698-lv.
Печ. л. 13,5. Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 7,4. Тираж 500 экз.

Издатель: ООО «Эко-Вектор Ай-Пи»

Адрес: 191186, г. Санкт-Петербург, Аптекарский переулок, д. 3, литера А, пом. 1Н

Свидетельство о регистрации СМИ № 01016 от 19.07.1995 г. выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-80632 от 15.03.2021 г. выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

E-mail: info@eco-vector.com. WEB: <https://eco-vector.com>

Отпечатано в ООО «Типография Фурсова».

196105, Санкт-Петербург, ул. Благодатная, 69. Тел.: (812) 646-33-77